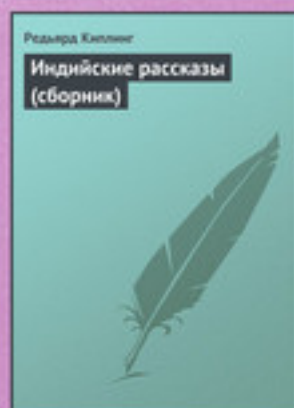

Редьярд Киплинг

Сновидец

*Часть сборника
Индийские рассказы (сборник)*

Редьярд Киплинг

Сновидец

«Public Domain»

1895

Киплинг Р. Д.

Сновидец / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1895

«Трёхлетний ребёнок сидел на своей постельке и, сложив ручки, с глазами, полными ужаса, кричал изо всех сил. Сначала никто не слышал его, потому что детская была в западной части дома, а нянька разговаривала с садовником под лавровыми деревьями. Пришла экономка и бросилась утешать ребёнка. Он был её любимцем, и она не любила няньку...»

© Киплинг Р. Д., 1895

© Public Domain, 1895

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Редьярд Джозеф Киплинг Сновидец

Трехлетний ребёнок сидел на своей постельке и, сложив ручки, с глазами, полными ужаса, кричал изо всех сил. Сначала никто не слышал его, потому что детская была в западной части дома, а нянька разговаривала с садовником под лавровыми деревьями. Пришла экономка и бросилась утешать ребёнка. Он был её любимцем, и она не любила няньку.

– Что такое? Что такое? Джорджи, милый, нечего пугаться!..

– Там – там был полисмен! Он был на лужайке – я видел его! Он вышел. Джэн говорила, что он придёт.

– Полисмены не входят в дом, милочка. Повернись и возьми мою руку.

– Я видел его – на лужайке. Он вошёл сюда. Где ваша рука, Харпер?

Экономка подождала, пока рыдания перешли в правильное дыхание спящего, и тихонько вышла из комнаты.

– Джэн, что за глупости рассказывали вы про полисменов мастеру Джорджи?

– Я ничего ему не говорила.

– Вы говорили... Он видел их во сне.

– Мы встретили сегодня утром Тигсдаля, когда катались. Может быть, это ему и приснилось.

– Не пугайте мальчика вашими глупыми рассказами до того, что с ним делаются припадки. Если это повторится ещё раз... – и т. д.

* * *

Шестилетний ребёнок, лёжа в постели, рассказывал себе сказки. Это был талант, который он только что открыл в себе и хранил в тайне. Месяц тому назад ему пришлось продолжить детский рассказ, не законченный матерью, и он был в восторге, что рассказ, вышедший из его головы, так же интересен для него, как если бы он слушал все с начала до конца. В этом рассказе был принц, и он убивал драконов. Но так было только в ту ночь, а после того Джорджи производил себя в принцы, паши, убивал великанов и т. д. (поэтому, как видите, он не мог никому рассказывать из страха, что над ним будут смеяться), и рассказы его постепенно перенесли в волшебную страну, где было так много приключений, что он не мог вспомнить и половины из них. Все они начинались одинаково, или, как объяснял Джорджи теням, бросаемым ночной лампой, всегда было «одно место, откуда все начиналось» – куча валежника, сложенная где-то вблизи берега. Вокруг этой кучи Джорджи видел себя бегающим наперегонки с маленькими мальчиками и девочками. Кончался бег, и корабли превращались в карточные домики с золочёными и зелёными решётками, окружавшими прекрасные сады; дома вдруг становились мягкими, и через них можно было проходить и опрокидывать их. Так поступал он, пока не вспомнил, что это только сон. Все продолжалось только несколько секунд, а потом принимало реальный вид, и, вместо того, чтобы опрокидывать дома, наполненные взрослыми (назло им), он с жалким видом сидел на высочайшем приступке у дверей и пытался придумать напев для таблицы умножения, до четырёхжды шесть включительно.

Героиня его сказок была удивительной красоты. Она появилась из старого иллюстрированного издания сказок Гримма (в настоящее время уже распроданного), так как она всегда восхищалась храбростью Джорджи, когда он имел дело с драконами и буйволами, то он дал ей два прекраснейших имени, когда-либо слышанных им, – Анни и Луиза, произносившихся «Аннилуиза». Когда сны брали верх над рассказами, она превращалась в одну из маленьких девочек, бежавших вокруг кучи валежника, сохраняя свой титул и корону. Она видела, как

один раз Джорджи тонул в волшебном море (это было на другой день после того, как нянька взяла его купаться в настоящем море), и он сказал: «Бедная Аннилуиза, теперь ей будет жаль меня». Но Аннилуиза, медленно идя по берегу, крикнула: «Ха! Ха! – смеясь, сказала утка», – что для бодрствующего ума, казалось бы, не имело никакого отношения к делу. Это сразу утешило Джорджи и должно было представлять собой нечто вроде заговора, потому что дно моря поднялось, и он вышел оттуда с двенадцатидюймовым цветочным горшком на каждой ноге. Так как в действительной жизни ему было строго запрещено возиться с цветочными горшками, то он чувствовал себя торжествующим грешником.

* * *

Решения взрослых, которые Джорджи презирал, но на понимание которых не претендовал, перенесли его мир, когда ему исполнилось семь лет, в место, называвшееся Оксфорд. Тут были громадные здания, окружённые обширными лугами, с улицами бесконечной длины и, главное, там был «the buttery».¹ Джорджи до смерти хотелось побывать там, потому что он думал, что это место жирное, а следовательно – восхитительное. Он убедился, насколько правильны были его предположения, когда нянька провела его под каменную арку к какому-то страшно толстому человеку, который спросил его, не хочет ли он хлеба с сыром. Джорджи привык есть все что угодно, поэтому он взял предложенное и выпил бы и какой-то тёмной жидкости, которую ему предлагали, но нянька увела его на вечернее представление пьесы под названием «Дух Пеппера». Представление было поразительное. У людей слетали головы и летали по всей сцене, скелеты танцевали, а сам мистер Пеппер, без сомнения, человек наихудшего сорта, размахивал руками, громко завывал и низким басом (Джорджи никогда не слышал поющего человека) рассказывал о своих невыразимых горестях. Сидевший позади взрослый пробовал объяснить ему, что это иллюзия, производимая зеркалами, и что бояться нечего. Джорджи не знал, что такое иллюзия, но знал, что зеркало – это стекло с ручкой из слоновой кости, в которое смотрятся, и лежит оно на туалетном столике его матери. Поэтому «взрослый» говорил просто так, по несносной привычке взрослых, и Джорджи стал отыскивать себе развлечение в промежутках между сценами. Рядом с ним сидела девочка вся в чёрном, с волосами, зачёсанными назад, совершенно как у девочки в книге под названием «Алиса в стране чудес», которую ему подарили в день его рождения. Девочка взглянула на Джорджи, а Джорджи на неё. Повидимому, дальнейшего представления друг другу не требовалось.

– Я порезал себе большой палец, – сказал он. Это было первое дело его первого настоящего ножа – большой треугольный порез, – и он считал это чрезвычайно ценным приобретением.

– Мне так жаль тебя, – шепелявя, проговорила она. – Дай мне посмотреть, пожалуйста.

– На нем пластыри, а внизу видно мясо, – ответил Джорджи, соглашаясь на её просьбу.

– Тебе не больно? – Её серые глаза были полны сострадания и интереса.

– Ужасно. Может быть, у меня даже будет припадок.

– На вид очень страшно! Мне так жаль!

Она дотронулась до его руки указательным пальцем и склонила голову набок, чтобы лучше видеть.

Тут нянька обернулась и дёрнула его со строгим видом.

– Не следует говорить с чужими девочками, мистер Джорджи.

– Она не чужая. Она очень милая. Она мне нравится, и я показал ей мой порез.

– Что за глупости! Поменяйтесь местами со мной.

¹ «The buttery» – студенческий буфет. «Butter» – масло, вот почему Джорджи и считает его масляным, жирным.

Она пересаживала Джорджи так, что закрыла от него девочку, а взрослый позади него возобновил свои бесплодные объяснения.

– Я, право, не боюсь, – сказал мальчик, вертясь в отчаянии, – но отчего вы не спите после полудня, как Провостофориель?

Джорджи однажды представили взрослому, носившему это имя, который спал в его присутствии, несколько не стесняясь. Джорджи узнал тогда, что это самый важный из взрослых людей в Оксфорде;² поэтому-то он постарался теперь позолотить своё замечание лестью. Взрослому это, по-видимому, не понравилось, но он замолчал. И Джорджи откинулся на своём месте в безмолвном восторге. Мистер Пеппер снова цел, и его низкий, звучный голос, красный огонь и туманная, развевающаяся одежда, казалось, сливались с маленькой девочкой, которая так сочувственно отнеслась к его порезу. Когда представление окончилось, она кивнула Джорджи, и Джорджи кивнул в ответ ей. До тех пор как лечь в постель он говорил только самое необходимое, а сам все размышлял о новых оттенках цветов, звуках, свете, музыке и о разных вещах, сообразно своему пониманию; глубокий, полный отчаяния голос мистера Пеппера смешивался с шепелявым голосом девочки. В эту ночь он сочинил новый рассказ, из которого бесстыдно удалил принцессу из сказок Гримма, с чёрными волосами и золотой короной на голове, и поставил на её место другую Аннилуизу. Поэтому вполне естественно, что, когда он пришёл к куче валежника, он нашёл её ожидающей его, с волосами, зачёсанными назад, ещё более похожую на Алису из «Страны чудес», – и начались бега и приключения.

* * *

Десять лет, проводимых в английской общественной школе, не содействуют развитию мечтательности. Джорджи вырос, стал шире в плечах и приобрёл ещё некоторые особенности, благодаря системе игр в крикет, футбол и другим видам спорта, практиковавшимся днём четыре-пять в неделю. Он стал фагом³ третьего низшего класса, со смятым воротником и покрытой пылью шляпой. Пройдя затем через низшие ступени, он достиг полного расцвета, как старшина школы и капитан во всех играх. Он стал главой одного из домов, где помещались школьники. Тут он со своими лейтенантами поддерживал дисциплину и приличия среди семидесяти мальчиков от двенадцати до семнадцати лет. Он являлся обычно посредником в спорах, возникающих среди обидчивого шестого класса, и близким другом и союзником самого директора. Когда он выходил вперёд, в чёрной фуфайке, белых штанах и чёрных чулках, в числе первых пятнадцати, с новым мячом под мышкой, в старой потёртой фуражке на затылке, мелюзга низших классов, стоя в сторонке, благоговела перед ним, а новые капитаны команды нарочно разговаривали с ним, чтобы все видели это. Когда летом он возвращался в павильон после медленно, но вполне безукоризненно разыгранной игры, школьники неизменно приветствовали его громкими криками, хотя бы он ничего особенного не сделал, а даже и проиграл; женское общество, приходившее полюбоваться на игру, смотрело на Коттара: «Вот Коттар!» Дело в том, что он был ответствен за то, что называлось «духом школы», а мало кто представляет себе, с какой страстностью некоторые мальчики отдаются этому делу. Родной дом казался далёкой страной, наполненной пони, рыбной ловлей, охотой и гостями, мешавшими плану жизни самостоятельного человека; но школа была его действительным, реальным миром, где происходили события жизненной важности и кризисы, которые нужно было улаживать быстро и спокойно. Не напрасно писано: «Консулы должны заботиться, чтобы республике не было нанесено вреда», и Джорджи бывал рад, когда возвращался с вакации и снова пользовался властью. За ним, но не слишком близко, стоял умный и сдержанный директор, советовавший

² The provost – городской голова.

³ Fag – прозвище, даваемое в английских школах младшим ученикам, исполняющим обязанности слуг у старших.

пускать в ход то мудрость змия, то кротость голубя, заставляя его, скорее полунамёками, чем словами, понимать, что мальчики и взрослые мужчины совершенно одно и то же и что тот, кто умеет справляться с одними, в своё время сумеет управлять и другими.

Чувствительность не поощрялась в школьниках; они должны были быть всегда бодрыми и смелыми и прямо поступать в армию, без помощи дорогих английских репетиторов, под кровлею которых юная кровь научается слишком многому. Коттар прошёл по пути многих, шедших перед ним. Директор посвятил полгода на его окончательную отделку, научил его ответам, которые должны наиболее понравиться экзаменаторам известного рода, и передал его установленным властям, которые отправили его в военную школу Сэндхерст. Тут у него хватило ума, чтобы понять, что он снова находится в низшем классе, и вести себя почтительно к старшим, пока они, в свою очередь, не стали относиться к нему с почтением; он был произведён в капралы и получил власть над людьми, соединявшими в себе пороки взрослых и детей. Наградой ему был новый ряд кубков за подвиги в атлетическом спорте, сабля за хорошее поведение и, наконец, патент её величества на субалтерн-офицера в первоклассном пехотном полку. Он не знал, что из школы и коллегии он вышел с репутацией достойного уважения юноши, и был доволен, что товарищи встретили его так ласково. У него было много собственных денег. На нем остался отпечаток воспитания в общественной школе, которое научило его многому, «чего не должен делать порядочный человек». Благодаря этому воспитанию он научился держать свои уши открытыми, а рот закрытым.

Правильный ход дел в империи перекинул его в новый мир, в Индию, где он вкусил полное одиночество в положении субалтерн-офицера, состоявшем из одной комнаты и чемодана из телячьей кожи, и вместе с товарищами начал новую жизнь. В стране были лошади – пони, которых можно было купить по сходной цене; было поло для тех, кто мог доставить себе это удовольствие; были пользовавшиеся дурной репутацией остатки охотничьих собак, и Коттар проводил свою жизнь без особого отчаяния. Ему стало ясно, что в полку, стоящем в Индии, есть больше шансов нести активную службу, чем он представлял это себе раньше, и что человеку можно заняться изучением своей профессии. Один майор новой школы с энтузиазмом поддержал эту мысль; он и Коттар собрали целую библиотеку книг по военным вопросам, читали, доказывали и спорили до поздней ночи. Но адъютант высказал старинное мнение:

– Познакомьтесь-ка со своими людьми, юноша, и они всюду пойдут за вами. Вот что нужно всем вам – хорошо знать своих людей.

Коттар считал, что он хорошо узнал их во время игры в крикет и всякого полкового спорта, но истинную натуру их он узнал только тогда, когда его послали с отрядом в двадцать человек засечь в грязный форт, недалеко от стремительного потока, загромождённого целым рядом лодок. Когда вода в реке поднималась, они выходили и охотились за оторвавшимися понтонами вдоль берегов. Больше делать было нечего, и люди напивались, картежничали и ссорились. Кроме того, они оказались болезненными: ведь младшему офицеру обыкновенно даются худшие люди. Коттар терпел их буйство, пока хватало терпения, и, наконец, послал за дюжиной перчаток, употребляемых для бокса.

– Я не стал бы вас бранить за драку, – сказал он, – если бы вы умели пользоваться руками как следует. Возьмите вот эти вещи; я покажу вам, что надо делать.

Солдаты оценили его усилия. Вместо того чтобы богохульствовать, грозить убить товарища, они отзывали его в сторонку и утешались до полного истощения. Один солдат, которого Коттар застал с закрытым глазом и разбитым ртом, откуда он выплёвывал кровь, сказал ему:

– Мы пробовали проделать это с перчатками, сэр, в продолжение двадцати минут, и ничего хорошего не вышло, сэр. Тогда мы сняли перчатки, сэр, и попробовали ещё двадцать минут, так, как вы показывали нам, сэр, и вышло страшно хорошо. Это была не драка, сэр, а пари.

Коттар не смел рассмеяться, но он показал солдатам другие виды спорта; научил их бегать в рубашках и кальсонах по следу, отмеченному клочками бумаги, – отличная забава по вечерам. Местные жители, любившие спорт всякого вида, захотели узнать, смыслят ли белые люди что-нибудь в борьбе. Они послали борца, который брал солдат за шеи и бросал их в пыль, и вся команда увлеклась новой игрой. Они тратили на изучение игры деньги, которые могли бы истратить на покупку продуктов сомнительного качества; а толпы поселян, улыбаясь, окружали место турнира.

Отряд, отправившийся в повозках, вернулся в главную квартиру, сделав в среднем по тридцати деталей в день; не было ни больных, ни арестантов, ни одного под судом. Солдаты рассеялись среди друзей, воспевая своего лейтенанта, готовые при удобном случае обидеться за него.

– Как вы это сделали, юноша? – спросил адъютант.

– О, сначала согнал с них весь жир, а потом нарастил мускулы. Это было довольно весело.

– Ну, если вы так смотрите на дело, то мы можем доставить вам сколько угодно веселья. Молодой Дэвис считает себя не вполне пригодным, а на следующий раз его очередь идти с отрядом. Хотите идти вместо него?

– Если он не обидится. Видите ли, мне не хочется быть выскочкой.

– Не беспокойтесь насчёт Дэвиса. Мы дадим вам отбросы корпуса и посмотрим, что вы сделаете с ними.

– Ладно, – сказал Коттар. – Это приятнее, чем слоняться по стоянкам.

– Странное существо, – сказал адъютант, когда Коттар вернулся в свою пустыню с двадцатью дьяволами, худшими, чем первые. Если бы Коттар знал, что половина женщин в стране – черт побери их! – готова отдать глаза, чтобы победить его!

– Так вот почему миссис Элери говорила мне, что я заставляю слишком много работать моего нового милого мальчика, – заметил один из офицеров.

– О, да; «Почему он не приходит по вечерам?» и «Не может ли он быть четвёртым в теннис вместе с барышнями Гаммон?» – фыркнул адъютант. – Взгляните на молодого Дэвиса. Как он разыгрывает осла, ухаживая за женщиной, которая могла бы быть его матерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.